

Николай Петрович Вагнер

НОВЫЙ ГОД

Содержание

I.....	.0004
II.....	.0009
III.....	.0016
IV.....	.0027

Н. П. Вагнер
НОВЫЙ ГОД

С Новым годом! С Новым годом! И все веселы и рады его рождению.

Он родился ровно в полночь! Когда старый год — седой, дряхлый старикашка укладывается спать в темный архив истории, тогда Новый год только, только что открывает свои младенческие глаза и на весь мир смотрит с улыбкой.

И все ему рады, веселы, счастливы и довольны. Все поздравляют друг друга, все говорят: «С Новым годом! С Новым годом!»

Он рождается при громе музыки, при ярком свете ламп и канделябр. Пробки хлопают! Вино льется в бокалы, и всем весело, все чокаются бокалами и говорят:

— С Новым годом! С Новым годом!

А утром, когда румяное, морозное солнце Нового года заблестит миллионами бриллиантовых искорок на тротуарах, домах, лошадях, вывесках, деревьях; когда розовый нарядный дым полетит из всех труб, а розовый пар из всех морд и ртов, — тогда весь город засуетится, забегает. Заскрипят, покатятся кареты

во все стороны, полетят санки, завизжат полозья на лощеном снегу. Все поедут, побегут друг к другу поздравлять с рождением Нового года.

Вот большая широкая улица! По тротуарам взад и вперед снует народ. Медленно, важно проходят теплые шубы с бобровыми воротниками. Бегут шинелишки и заплатанные пальтишки. Мерной, скорой поступью — в ногу: раз, два, раз, два — бегут, маршируют бравые солдатики.

Вот между народа бежит и старушоночка, а с ней трое деток. Старший сынок в маленьком обдерганном тулупчике без воротника и в протертых валенках бежит впереди, подпрыгивает, подплясывает и то и дело хватается за уши — бегут, бегут, скрип, скрип, скрип.

— Мороз лютой, погоняй не стой!.. Бежим, матка, бежим!

— Бежим, касатик, бежим, родной. Мороз лютой, погоняй не стой!.. Господи Иисусе! — Бежим, Гришутка, бежим, лапушка!..

И Гришутка торопится, пыхтит, семенит ножонками. Скрип, скрип, скрип... От земли чуть видно. Шубка длинная, не по нем, но его

поддерживает сестренка Груша. Поддерживает, а сама все жметя, ёжится. — Похлопает, похлопает ручками в варежках и опять схватит Гришутку за ручку и — побежит, побегит!..

— Мороз лютой, погоняй не стой!..

Но Гришутка не чувствует мороза. Ему тепло, ему жарко. Пар легким облачком вьется около его личика.

И весь он там, еще там, где они были назад тому с полчаса. В больших палатах, где большая, большая лестница уставлена вся статуями и цветами. Там швейцар с большими черными баками, весь в золотых галунах, в треугольной шляпе и с большою палкой.

Там живет сам «его превосходительство», и они ходили поздравлять его с Новым годом.

Каждый Новый год приходит Петровна с детками поздравлять его превосходительство, и каждый раз его превосходительство высылает ей три рубля за верную и усердную службу ее покойного мужа Михеича.

И на этот раз швейцар доложил — и через час выслали с лакеем новенькую, не согнутую трехрублевую бумажку.

Петровна поклонилась, поблагодарила, перекрестилась, дала швейцару двугривенный, на который он посмотрел искоса, подбросил на руке и затем с важностью опустил в жилетный карман.

Все время, пока они стояли в сенях у его превосходительства, Гришутка на все дивовался, все осматривал своими большими черными глазами и поминутно теребил мать за рукав.

— А это, мама, лестница? — лепечет он чуть слышно.

— Лестница, касатик, — шепчет мама.

— А куда она идет?

— Наверх, в комнаты.

— Они тоже большущие?

— Большущие, касатик, большущие.

— А на лестнице это сады посажены?

— Сады, родименький, сады.

— А между ними, что за куклы большущие, белые, стоят?

— Это для красы, лапушка, для красы.

— А это что, вон там, светлое такое — большущее?

— Это зеркало, касатик, зеркало.

— А это, посреди, из чашки вверх бежит, это что такое, мамонька?

— Это фантал, касатик, фантал... А ты нишкни, лапушка, сейчас придут... не хорошо болтатьто...

И Гришутка замолк, но не успокоился. Его черные глаза словно хотели проникнуть насквозь и ковер на лестнице, и медные прутья, которыми он был пристегнут, и лепку на сводах высоких пилястр, и грациозную фигурку сирены, поддерживающей чашу фонтана.

«Вот бы туда посмотреть! — думал он, — в те большущие комнаты, что наверху этой лестницы с куклами. Там, чай, каких чудес нет?..»

И он бежал дорогой и все придумывал, воображая — какие должны быть чудеса на этой большущей лестнице?

— Бежим, бежим, лапушка, замерзнешь, — торопила Груня.

И Гришутка инстинктивно бежал скоро, скоро, скоро. Скрип, скрип, скрип, скрип, скрип!..

Прибежали в переулчишко, узенький, дрян-
 ненький, в двухэтажный серенький до-
 мишко и то на задний двор, чуть не в под-
 вальный этаж; перед грязным, заплесканным
 крылечком целая гора намерзла грязных по-
 моев. Скатились, точно в яму. Здравствуй-
 те! —
 домой пришли.

— Холодно! голодно!

— Погодите, ребятки, — говорит мать, —
 теперь у нас есть что поесть и чем погреться.
 Погодите, родненькие. Сейчас будем с Новым
 годом. Я духом слетаю, дровец куплю, того, се-
 го.

И действительно, духом слетала. Только по
 дорожке, на самую чуточкуминуточку в пи-
 тейный дом завернула и шкалик перепусти-
 ла, — да тут же рядом в лавочке пряничков,
 орешков, леденчиков купила и три фунта
 колбасики вареной, да краюшку решетного,
 да полфунтика масла промерзлого — чтобы
 Новый год было масляно встречать.

— Ну! Пташечки-касаточки, вот вам! — И
 того, и сего, и этого... Груня, клади, матка, жи-

вей дровец в печь! Насилу, насилу все-то достащила.

И Груня положила дровец, растопила печку. Зажарили вареную колбасу в масле. Мать суетилась без отдыха. Груня и Вася помогали ей с усердием. Вскипятили самоварчик, достали с полочки чайник с отбитым носком, с трещинами, чашки полинялые и побурелые. Из сундука вынули сахар в жестяной коробочке и щепотку чаю, бережно завернутую в бумажку. Чай давно уже пахнул кожей и сеном. Впрочем, он и свежий был с тем же самым ароматом.

Только Гришутка не принимал участия в общей хлопотне. Он как сел у замерзлого окошечка, так и не отходил от него. Он хмурился и скоблил ледяные узоры на разбитых окнах. Но, очевидно, машинально скоблил, а его душа и мечты находились там, там — в этих большущих сенях с мраморной лестницей, усаженной садами, уставленной большими куклами...

— Гришутка, касатик, дай скину красну рубашечку — да в сундучок спрячу до праздника. А то, не ровен час, касатик, запачкаешь,

упаси Господи!

— Нет, мама, я в ней останусь...

— Запачкаешь, мол, говорю, касатик. — И мать подходит к нему, обнимает и целует — в надежде, что касатик снимет драгоценную рубашечку из красного канауса и плисовые черные шаровары, подарок крестной матери; но касатик положительно возмущается...

— Отстань, мамонька! Говорю: не замай!.. От тебя вон водкой воняет...

— А это я для куражу, для праздничка, лапушка, выпила, — оправдывается мама, быстро вертя рукой около смеющегося, красного, истрескавшегося лица.

— Ну, ладно! Отстань, мамонька, я целый день буду в эвтом ходить, — вот что! И мамонька отстала. Пущай его, думает она, уснет младенец, я его, крошечку, раздену, а теперь пущай пощеголяет, душеньку для праздника потешит.

— На-ко, сахарный, леденчиков да пряничков! — предлагает она.

И сахарный машинально, задумчиво берет леденчики и прянички. Но, очевидно, думы его слаще ему леденчиков и пряничков.

Наелись, напились, — напраздничались. — Пришли гости: кум, да сват, да свояченица, принесли гостинцев.

— С Новым годом, с новым счастьем. Дай Бог благополучно!..

Послали Ваню за полуштофом. Опять поставили самовар, и пошли чай да рассказы без конца и начала...

Наконец, наговорились, разошлись по домам.

Стемнело. Гришутка припрятал пакет, что мать принесла с пряниками, и в нем с десяток пряничков и леденцов. Как ни тянуло его, он ни один не съел, все припрятал с пакетом, завернув его тщательно, и все держал за пазухой.

— Мамонька! — обратился Гришутка к матери, — а там, там, где мы были, там долго спать не ложатся?..

— У его превосходительства?.. И-и, касатик медовой, ведь они баре, сказала она шепотом. — У них ночь вместо дня. Мы давно уже спим, а они до вторых петухов будут сидеть.

— Что ж это они делают, мамонька?!

— А вот что, касатик. Седни вечером у них

елка. Большущу, большущу такую елку поставят и всю ее разуберут всякими гостинцами, конфетами, да всю как есть свеченьками уставят. Страсть хорошо! А наверху, на самом верху звезда Христова горит... Таки прелести — что и рассказать нельзя. Вот они, значит, около этой елки все соберутся и пируют.

И Гришутка еще больше задумался. — Большая елка, с Христовой звездой наверху, приняла в его детском все увеличивающем представлении сказочные, чудовищные размеры.

К вечеру матка стала совсем весела. Всех, и Ваню, и Груню, и Гришутку, заставляла плясать и сама прищелкивала и припевала:

*Уж я млада, млада сады садила,
Ах! Я милого дружочка поджидала...*

Наконец, она совсем стала сонная. Ходила покачиваясь. Все прибирала. Разбила две чашки, расплакалась, свалилась и захрапела.

— Ну, — сказал Ваня сестре. — Теперь матку до завтра не разбудишь. Пойдем за ворота поглазеем. И они, накинув тулупчик и паль-

тишко, вышли за ворота.

Гришутка остался один.

В комнате совсем стемнело. Он присел около печки в угол, прислонился к ней и думал упорно все об одном и том же. Темная комната перед ним вся освещалась, горела огнями. Чудовищная елка вся убиралась невиданными дивами, и все ярче горела на ней звезда Христова. Наконец воображение устало. Гришутка зевнул, съежился, прислонился ловчее к печке и крепко заснул...

Долго, долго прогуляли Груша с Ваней: бегали на большую улицу, смотрели в окна магазинов, наконец вернулись, и целые клубы пара ворвались с ними в комнату. Он обхватил, разбудил Гришутку.

Весело перешептываясь и смеясь, дети разделись и спать улеглись, — а об Гришутке забыли.

Он тихонько привстал, потянулся. Подождал, пока брат и сестра заснули. Тихо, на цыпочках подошел он к своей шубке. Кое-как надел ее. Надел шапку, варежки, натянул валенки — и тихонько вышел, притворив дверь как мог плотнее.

Черная ночь обхватила его морозным воздухом. В переулке тускло мерцали фонари.

Он помнил только, что «его превосходительство» живет на улице, которая называется Большой Проточной, и что в эту улицу надо свернуть с Заречного проспекта.

Вышел он из переулочка на улицу и у первого попавшего «дядюшки» спросил как ему пройти в Большую Проточную.

— Эх ты, малыш! — сказал дядюшка. — Как же ты эку даль пойдешь? Ступай до угла, а там поверни налево... и все прямо, прямо иди, все так-таки прямо все иди, иди по проспекту-то, а там спроси — укажут, чай, добры люди... Ах ты, малыш, малыш!

Смотри через улицу не переходи! Задавят... Да тебя кто послал-то?!

— Никто, дядюшка, я сам, к его пливосходительству иду...

— Сам! — удивился дядюшка и долго смотрел вслед Гришутке, — а он, подобрав шубку, бежал, бежал, как было указано. Пот давно уж капал с его покрасневшегося личика. Он шатался. Ноги ему отказывались служить...

Наконец еле дыша, чуть не плача, подо-

шел он к другому «дядюшке».

— Дяденька! Укажи мне, где Большая Проточная.

Дяденька поглядел на Гришутку, подумал. Нагнулся к нему.

— Считать умеешь?

— Нетути!..

— Нету-ти. Ну, вот что. Смотри, — и он растопырил пальцы. — Вот одна улица, другая, третья. И поверни ты в эту третью. Это и будет Большая Проточная... Понял?

— Понял! — прошептал Гришутка. — И с новыми силами, с новой бодростью в сердце побежал дальше.

Против первой улицы он загнул один пальчик, против второй — загнул другой, в третью повернул. Шел, шел и вот... Да! Действительно, это был он, дом «его превосходительства». Но отчего же перед ним стоят все кареты, кареты?

Гришутка вздохнул полной грудью и поднялся на крыльцо.

С трудом он чуть-чуть отворил и протиснулся в большие дубовые двери с зеркальными стеклами. Отворил он и вторые двери и

очутился в сенях.

Газовые лампы ярко горели. В сенях ничего не было. Зато в швейцарской направо слышались громкие голоса и смех.

Гришутка подумал, идти ли ему к швейцару, или не идти. Он боялся его большой палки с золотым шаром и больших черных бакенбард. На вешалке висело много шуб. Он скинул тулупчик, свернул его комочком и положил на пол в уголок. Затем вынул из-за пазухи гостинцы — пакетик с леденцами и пряниками — и бодро отправился вверх по мраморной лестнице.

Статуи точно смотрели на него с их пьедесталов; но он, не глядя на них, бойко всходил наверх. Маленькое его сердце колотилось в груди, голова шла кругом.

Наконец он поднялся на высокую лестницу. Там, наверху, все зеркала, зеркала — и он увидел в них себя, увидел свое раскрасневшееся личико — с большими черными глазами.

Потом он вошел в первую залу — всю красную, раззолоченную. Пол такой скользкий и блестит как «зеркало». А там, впереди, был шум, говор, детские голоса, детский смех.

Гришутка пошел туда. Он прошел всю длинную залу и подошел к двери. Перед ним была большая, большая белая зала, — и посреди ее большущая елка.

Вся она сверху донизу горела и сверкала огоньками! А на самом верху сияла большая, большая звезда Христова.

Кругом елки были дети, много детей в ярких нарядных платьицах. А кругом них стояли господа, барыни... Шум, говор, смех!..

У Гришутки потемнело в глазах. Вся зала покрылась словно туманом и закачалась. Но это было ненадолго. Он вытянул вперед ручонку с гостинцами, плотно прижал другую к груди, к колыхавшемуся сердцу и бодро пошел вперед.

Он подошел прямо к высокому седому господину.

Этот господин и был сам «его превосходительство».

— Ваше превосходительство! — сказал внятно Гришутка, — вот я пришел с Новым годом вас поздравить. Вот-с и гостинцы!

— Это мне? — спросил его превосходительство.

— Вам, ваше превосходительство... А мне можно будет поиграть здесь?

Его превосходительство удивленными глазами, не переставая улыбаться, посмотрел на Гришутку, на его доброе, красивое личико с умными большими глазами.

Он смотрел, а сам развертывал серый паке-тик с леденцами и пряниками.

— Да кто же ты? — спросил он с недоумением, оглядываясь кругом.

— Я Гришутка... Мама, знаете, спать легла, и все спать легли. Я все сидел да думал, сидел да думал, как бы мне посмотреть на большую елку. Взял да и пошел один. Спросил сперва одного дяденьку, потом другого дяденьку, — а он растопырил этак руку — вот, говорит, одна улица, а вот другая улица, и там будет третья. Ты в третью-то и ступай...

Большие и малые обступили Гришутку. Нимало не смущаясь, он осматривал всех и продолжал рассказывать.

— Да кто же твоя мама? — спросил его хозяин дома.

— А Петровна... чай, знаете?

— *Quel charmant enfant!* (Какое прелестное

дитя), — сказала одна молодая дама. — Dieu! Quels yeux! (Какие чудные глаза!)

— Где же живет Петровна? — спросил его превосходительство, обертываясь к дверям залы. У этих дверей стояли несколько слуг и один скоро, скоро подошел к его превосходительству.

— Узнайте, где живет Петровна? — сказал его превосходительство.

И слуга быстро побежал, узнал и доложил, что Петровна живет на Песках, в Глухом переулке.

— Боже мой! и такую даль ты шел один! — вскричали дамы.

— Тссс! — произнес генерал, покачав головой.

— Ну, — сказал он, — Гришутка, теперь пойдем — я тебя, брат, представлю хозяйке дома, — и он повел Гришутку за руку в гостиную, в которой было не так светло и где сидели старые, почтенные дамы.

— Вот, — сказал он, входя в гостиную, — рекомендую вам джентльмена с Песков. Один ночью пришел с Песков сюда, пришел поздравить меня с Новым годом — и вот вам — го-

стинцы принес... не угодно ли. — Говоря это, он любезно предложил дамам — *les bonbons de Piessky*.

— *Quel délicieux enfant!* — вскричали дамы. — Прелестный ребенок: подойди, душечка, сюда... *Ravissant...* Как же это ты один шел... И не страшно тебе было?

— Нет, — сказал Гришутка. — Я, знаете, все бежал, бежал так шибко, шибко. Одного дяденьку спрашиваю, где, мол, Заречный проспект, а он говорит: тебя, мол, говорит, кто послал?..

— Да тебе сколько лет-то? Клоп ты с Песков!.. — спросил вдруг его превосходительство.

— Мне семь...

— *Qu'est ce que ça...; сёмой — quel baragouin!*

— Вот, княгиня, — обратилась хозяйка к старой, больной даме. — Вы искали воспитанника. Вот вам сирота, извольте видеть... один в одиннадцатом часу с Песков пришел. Можете вы себе представить... один, один... с Песков пришел.

Княгиня взяла Гришутку за ручку и притя-

нула к себе... Она посмотрела в его личико. Гришутка пристально посмотрел на нее...

— Знаешь что, Гриша, — сказала она, — это не сам ты пришел, а Бог привел тебя... ты любишь Бога?..

— Для-че не любить. Я всех люблю, коли кто добрый. А вот у нас дворник Наумыч, чай, знаете, он злющий, все маму бранит. Я его не люблю.

— А меня будешь любить?

— Тебя-то?

Он пристально посмотрел на добрые, полусонные глаза княгини.

— Ладно. Для-че не любить.

Говоря это, он тщательно рассматривал вышитый ридикюль княгини и кисти его из стального бисера.

— Ну! Гришутка с Песков, — сказал генерал, — пойдем теперь в залу. За твои гостинцы я тебе сам дам гостинца. И, взявши опять Гришутку за ручку, он привел его к елке.

— Ну, чего хочешь? Выбирай!

Пред Гришуткой запестрели нарядные бонбоньерки, корзиночки, игрушки — все как жар золотом горело и рябило глаза. Но Гри-

шутка твердо помнил одно то, что занимало его целый вечер.

— Мне, дяденька, ваше пливосходительство, — сказал он, — Христову звезду дайте.

— Какую Христову звезду? — спросил удивленно его превосходительство.

— Вон, вон, на самой вершинке-то — така, как жар горит!

— Ооо! чего захотел! Самой вершинки захотел. Ах ты, клоп с Песков!.. Да как же я достану до звезды-то Христовой. Видишь, видишь... я еще не дорос до нее...

— А вы, дяденька, ваше пливосходительство, велите лестницу принести. Такую большущу, у нас есть на Песках така лестница, что по крышам лазают.

— Ха! ха! ха! — засмеялся его превосходительство, и все дети дружно захохотали кругом.

— Ну, я велю принести лестницу, — сказал его превосходительство, — только, думаю, такая лестница и здесь найдется, за ней не надо на Пески ходить.

И он велел принести лестницу.

Принесли ее три лакея и подкатили как

раз к елке.

— Ну, — сказал генерал, — Гришутка с Песков, вот тебе и лестница. Теперь, если хочешь, полезай сам и доставай Христову звезду.

И Гришутка бодро кинулся на лестницу. Бойко взошел он на нее. Но ручонка не доставала до звезды.

Не долго думая, он схватил ближайшую ветку и потянул к себе. Несколько свечек упало, несколько золоченых яблоков и орехов полетело вниз; но Гришутка крепко схватился за звезду, изо всех сил потянул ее, и звезда осталась у него в руке.

Высоко подняв звезду над головой, весь красный от волнения, весь дрожа, он начал спускаться с лестницы. Дети и барыни закричали «браво, браво!» и громко захлопали в ладоши.

Гришутка спустился с своим сокровищем.

— Ну, — сказал его превосходительство. — Молодец, Гришутка с Песков! Знаешь ли, что это за звезда?

Гришутка ничего не отвечал. Он тяжело дышал.

— Эта звезда будет твоей путеводной звездой, — понимаешь? — твоей путеводной звездой. Она тебя выведет на дорогу. Береги ее!

IV

Прошло много, много лет. Давным-давно не стало матери Гриши. Не стало Груни и Васи. Умер его превосходительство и княгиня-воспитательница Гриши, а сам Гриша из Гришутки давно превратился в Григория Васильевича, и сам стал «его превосходительство».

Он даже поселился на Большой Проточной, недалеко от прежнего дома его превосходительства, от того самого дома, в котором он добыл когда-то свою «путеводную звезду».

Он жил в третьем этаже на большой лестнице; на ней также стояли статуи и большие растения. И эта лестница была общая для всех этажей и всех квартирантов.

В квартире была большая передняя и несколько комнат, светлых, чистых и просторных.

У него была добрая старушка жена, три взрослые дочери и две внучки.

Всю жизнь его вела «путеводная звезда» по светлой прямой дороге. Он всю жизнь хлопотал о том, как бы устроить для всех Гришуток

приюты, где бы они воспитывались и выходили в люди не по прихоти случая или «путеводной звезды».

Он думал, что придет, наконец, то блаженное время, когда не будет глухих закоулков на разных «Песках» и люди не будут жить в подвальных этажах, подле помойных ям и мерзнуть от холода в зимние морозы.

Он много трудился над этим делом — и теперь почти пятьдесят лет прошло с тех пор, как он в первый раз выступил на эту дорогу.

Много было основано им всяких благотворительных обществ и учреждений, много построено всяких благодетельных зданий и заведений. Но чем более он их строил, тем дальше уходила от него цель, за которой он гонялся, как мальчик за тенью.

Пятьдесят лет тому назад он вышел на смертный бой с тем чудовищем, которое зовут людской бедностью.

Он бился с ним ровно полвека, и что же?.. Чем больше он бился, тем больше выросло чудовище. Он строил новые учреждения, и новые головы вырастали у чудовища, как у гидры.

Город разросся. Но не исчезли его «Пески» и глухие закоулки. Они только отодвинулись на новые окраины, а в самом центре завелись углы и подвалы грязные закоулки и разные помойные ямы. Завелись целые приюты нищеты и разврата...

Он чувствовал, как руки его опускались, — он, семидесятилетний старик, чувствовал, что борьба кончилась, что победило его страшное чудовище.

Грустный, испуганный сидел он один в своем кабинете, накануне Нового года, опустив на руки свою седую голову.

А в зале раздавались веселые голоса, детский смех.

Но ничего не слышал он. Не сводя глаз, он смотрел прямо, упорно, и глаза его в ужасе раскрывались шире и шире.

Перед ним стояло отвратительное чудовище — грязное, худое. Оно дрожало от холоду и едва ворочало коснеющим языком. Его костлявое тело выглядывало из множества дыр обдерганного, обтрепанного рубища.

А сзади его, смеясь, самодовольно шло другое чудовище, еще более отвратительное, —

чудовище, страшное своей бесчеловечностью и силой. Оно хохотало пронзительно — и при этом тряслись его длинные пейсы и остроко-
нечная борода...

Оно шло на смену и было непобедимо...

Нестерпимый ужас охватывал сердце...

— «Путеводная звезда», — шептал он, — «путеводная звезда», куда ты меня привела?!!

И он смотрел с укором на эту «путеводную звезду», на это воспоминание из его далекого детства. Она висела перед ним на стене, обделанная в золотую рамочку.

Но в это время в соседней комнате раздались детские голоса, и в кабинет к нему во-
рвалась веселая компания.

Впереди всех бежали две его внучки с бо-
калами в руках, с букетами белых роз.

— С Новым годом, деда, с Новым годом!.. С
новым счастьем, — и они обе обхватили его
шею...

Подошли дочери, подошла и жена — и об-
няли его голову.

— С Новым годом, старик! — сказала она,
целуя его.

Но старик ничего не ответил... Только

горькие слезы тихо катились по его доброму старческому лицу...